

«ДЕЙЛИ МЕЙЛ», ЛОНДОН.

НАПОМНИМ читателю: Хэмфри (Де Форест) Богарт (1899—1957) — знаменитый американский киноактер, звезда Голливуда 40—50-х годов. Снялся более чем в 50 фильмах, из которых наиболее известны «Мальтийский сокол», «Касабланка», «Сокровище Сьерры-Мадре», «Африканская королева», за которую он получил в 1952 году премию «Оскар» как лучший исполнитель мужской роли.

Его сын, Стивен Богарт, после 40-летнего молчания рассказал правду о своем детстве с легендой Голливуда, который блистал в любой роли, за исключением роли отца.

Хэмфри Богарт зарабатывал до миллиона долларов в год; со своим уникальным сочетанием дружелюбия и цинизма он был воплощением «черных фильмов» 40-х годов. На экране это сильно пьющий, малоразговорчивый герой, во многом такую же роль он играл в личной жизни. В 1945 году женился на красивой и страстной актрисе Лорен Бэйкол, которая была моложе его на 25 лет.

В тщательной поставленной рекламной снимках семейная жизнь Богарта казалась идиллией, в действительности это было далеко не так. Как пишет Стивен в только что опубликованной захватывающей биографии «В поисках моего отца», Богарт был холодным человеком, державшимся подальше от детей, и эти воспоминания всю жизнь преследовали автора. Сейчас он впервые рассказывает правду о своей жизни с Богги, как звали Богарта друзья, и миллионы поклонников, и Бэйкол, и о том, как он примирился с памятью об отце.

МОЯ мать, Лорен Бэйкол — это женщина, которая обычно добивалась всего, чего хотела, и в конце сороковых она решила, что ее муж должен стать отцом. Не думаю, чтобы Богги действительно хотел осложнить свою жизнь разговорами об овуляции и тому подобных неромантичных вещах, которые возникают, когда пара собирается завести ребенка. И все-таки, немного поворчав, он согласился с этой идеей.

Мать рассказывает, что, когда Богарт вернулся со съемок в один летний день 1948 года, она встретила его у дома и сообщила замечательную новость. Папа замолчал и присмирел. Затем объял ее за талию и повел в дом. Он молчал весь ужин. А после ужина между ними произошла ужасная ссора — самая тяжелая, по словам матери, за всю их совместную жизнь. «Он говорил, что ребенок встанет между нами, что наша жизнь уже не будет прежней, что женился на мне не для того, чтобы уступить меня ребенку. Это было отвратительно».

На следующее утро он написал длинное письмо с извинениями, уверяя, что сам был поражен своим поведением. Он просто испугался. Он писал, что не хотел утратить того счастья, которое нашел в браке с ней, что боится стать плохим отцом и не знает, как обращаться с ребенком. Но, выразив свое беспокойство по поводу всего этого, также написал, что хочет ребенка больше всего на свете.

Все это время Богги был раздражителен. Он шагал из угла в угол, ерошил свои редеющие волосы. Временами он, вероятно, выглядел, как приговоренный к смерти, который в последнюю минуту перед казнью ожидает звонка о помиловании от губернатора штата. Он играл такие роли.

«Не могу сказать, что действительно хотел ребенка до того, как женился на Бетти», — говорил он впоследствии. (Моя мать была урожденная Бетти Перск. Она взяла фамилию матери, Бэйкол, еще ребенком, когда отец сбежал из семьи. В киностудии ей дали имя Лорен, она всегда была равнодушна к нему.) — Но Бетти очень хотела, она много говорила о нем, и в конце концов и я захотел этого. По одной причине, которая может показаться не совсем благородной: когда я умру, я хотел оставить с ней частичку меня. Между нами была солидная разница в возрасте, и поэтому я захотел, чтобы он напоминал ей обо мне».

В день моего рождения Богги выглядел настоящей развалиной. В большинстве он пообеднел,

ему стало плохо: он не выносил, когда терпели боль люди, которых он любил. Когда я появился на свет 6 января 1949 года, меня назвали Стивеном Хэмфри Богартом. Стивен было имя персонажа, которого мой отец играл в фильме «Иметь и не иметь» по роману Хемингуэя, а на съемках этого фильма и встретились мои отец и мать. После родов папа достаточно оправился для того, чтобы вытащить из кармана фляжку с виски и налить всем отцам, ожидавшим рядом рождения своих детей.

Первым подарком, который я получил от своего отца, был снеговик. В Голливуде это случается редко, но в день моего рождения в Беверли-Хиллз выпал снег, и, когда меня привезли домой, отец в знак приветствия слепил снеговика на газоне. Когда мама увидела это, она укрепила в мысли, что поступила правильно.

Несколько дней спустя она почувствовала это еще лучше. Родители установили перегородочное устройство между их спальней и детской, и она услышала, как отец разговаривал со мной. Он был несколько смущен и неуверен, потому что не знал, что должен говорить грудному ребенку: «Хэллоу, сынок. Ты маленький мальчик, не так ли? Я твой отец. Добро пожаловать домой». Он был бы очень смущен, если бы знал, что его подслушали.

Моя одинокая жизнь с Богартом

БОГГИ гордился своим ребенком. На одной знаменитой фотографии вы даже увидите, как он меняет пеленки, но это единственный раз, говорит моя мать, для рекламы.

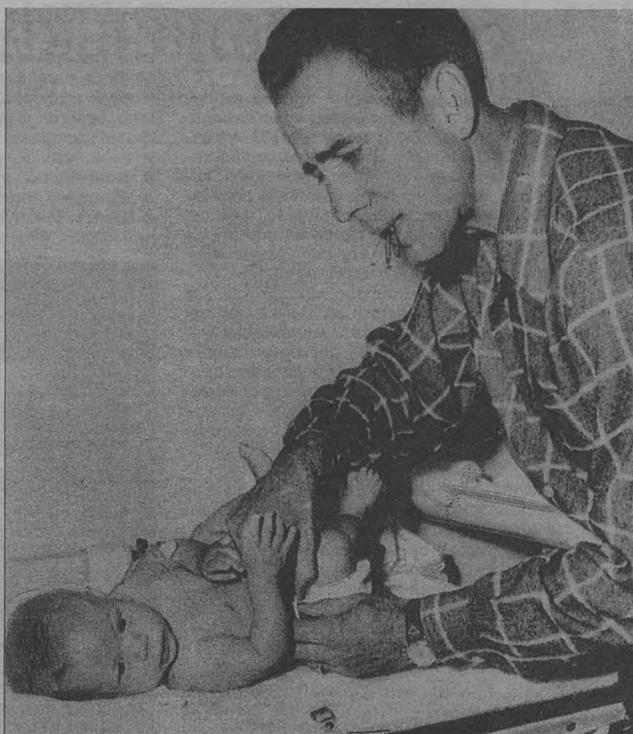
Мама была его четвертой женой, его характер уже устоялся, и Богги придерживался лишь одного правила: он собирается прожить свою жизнь так, как хочет. К тому же он не знал, как изменить ее, чтобы приспособиться к существованию сына. Я разговаривал об этом со многими его друзьями, и они считали так же. Богги неуверенно чувствовал себя с детьми и не знал, что делать с ними, испытывал некий благоговейный страх. Его агент Сэм Джаффе рассказал мне типичную историю. «Я никогда не забуду, как однажды ты и твоя сестра сошли вниз в гостиюню. У Богги был такой растерянный вид. Он смотрел на вас, как на странные предметы, и, казалось, вопрошал: а кто это такие?»

За несколько лет до этого он стал крестным отцом у сына своих друзей Джона и Элеоноры Холлидей. Богги однажды пригласил мальчика на ланч, и когда настал этот день, спросил у Элеоноры: «Ради Бога, о чем говорить с 13-летним мальчиком?»

«Хорошо», — ответила она. — Ты его крестный отец. Стало быть, ты должен отвечать за его религиозное воспитание». Позже она спросила сына, как они разговаривали. «Не долго», — ответил мальчик. — Мистер Богарт сказал: «Слушай, сынок, есть 12 заповедей». А затем заказал себе порцию виски».

Когда три года спустя родилась моя сестренка Лесли, папа вел себя ненамного лучше. Поскольку это была девочка, он, вероятно, боялся ее еще больше, чем меня, но проявлял к ней и больше нежности, сажал ее на колени и качал. Это была маленькая дочка, и он чувствовал к ней такую любовь, какую никогда не испытывал ко мне. Иногда, когда мне одиноко, когда кажется, что жизнь обошла меня в чем-то важном, я вспоминаю нежности, которые достались не мне, а моей сестре...

Моему отцу понравилась идея иметь детей. Он гордился тем, что у него есть Лесли и я, никогда не обижал нас и не отказывал ни в чем необходимом. Но он не мог интегрировать нас в свою жизнь. Дети должны были участвовать в его жизни, когда это было ему удобно. Например, он не хотел ужинать вместе с нами — и это я могу понять сейчас, когда часто подвергаюсь попытке в виде ужина с двухлетним ребенком.

Знаменитая фотография Хэмфри Богарта и Стива была сделана лишь для рекламы.

Отец был в серых фланелевых брюках, черном кашемировом пиджаке, нацепил бабочку в клетку. Он долго и внимательно осматривал меня, а затем сказал: «Ты хорошо выглядишь, мальчик». Затем мы отправились в ресторан на «Ягуаре». Там нас провели в его любимую кабинку. Папа приветственно помахал рукой некоторым из многочисленных голливудских знаменитостей, и я уверен, некоторые из них подумали: как хорошо, что он привел с собой маленького Стива. Я не знаю всех, кто подходил к нашему столу, чтобы поговорить с отцом, но такое общение в ресторане «Романов» было повседневным ритуалом. Обычно у кабинки моего отца останавливались Дэвид Найвен, а также Джуди Гарленд, Сид Луфт и Ричард Брукс. И, конечно, Спенсер Треси. Я уверен, что первый суперпарент Голливуда Свифти Лазар также подходил к нам в тот день.

Все улыбались: ведь редко можно было увидеть Богги с ребенком, и все ласково обращались ко мне: «Как поживаешь, Стивен? О, ты уже совсем взрослый». А затем начинались профессиональные разговоры, очень интересные для взрослых, но не для семилетнего ребенка. Короче говоря, мне было скучно.

К тому времени как Богги заказал себе коньяк, я стучал вилкой по стакану с водой. «Не делай этого, сынок», — сказал отец. Тогда я стал качать ногой под столом. «Перестань, сынок».

К тому времени, когда мы ушли из ресторана, мы уже не разговаривали друг с другом. Отец вел свой «Ягуар» по улицам

Стивен Богарт с матерью сегодня.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Беверли-Хиллз, вероятно, немного быстрее обычного. Когда приехали домой, мать сидела у бассейна и читала книгу. Папа повел меня прямо к ней, как будто боялся, что я могу убежать. «Милая, — сказал он. — Это больше не повторится». Мать ничего не сказала. Она отложила в сторону книгу и, казалось, спрашивала меня: «А какова твоя версия этой истории?»

Я вспоминаю еще только об одном случае, когда досадила отцу, и то в основном потому, что эту историю много лет спустя рассказал мне Дэвид Найвен. Он и Ноэл Коурд приехали к нам, чтобы обсудить сценарий. Богги и Найвен сидели в креслах, а перед ними на диване — Коурд. Я стоял за диваном. Найвен рассказывает, что я начал передвигаться с каким-то зловещим видом позади Коурда и все время смотрел на его голову, как будто на ней сидело какое-то насекомое, которое нужно было согнать. В руках у меня был тяжелый бронзовый поднос. Когда я приблизился, то поднял поднос и со всей силой опустил ему на голову. Знаменитый драматург даже не взглянул на меня. Он только сказал: «Богарт, дорогой, знаешь, что я хочу подарить дорогому маленькому Стивену на Рождество? Ручную гранату, облившую шоколадом».

Приходят и другие воспоминания. Мой отец любил плавать под парусом и проводил много времени на своей 16-метровой яхте «Сантана». Несколько раз, после того как я выучился плавать, он брал меня с собой. Однажды, когда мне было шесть или семь лет, я взял с собой пустую корзину и вывесил ее за кормой, надеясь поймать рыбу. Я отчетливо помню, как тянул вверх эту корзину, она была очень тяжелой, и я стонал от нетерпения. Наконец я встал из на борт и не поверил своим глазам. Я поймал омар! Это был один из самых замечательных моментов моей жизни. И только когда мне исполнилось 20 лет, кто-то из знакомых рассказал мне, что омар в корзину подсунул отец. Богги, очевидно, оставался моим отцом, даже когда я не знал об этом.

На улице Мэрплтон-драйв, где мы жили, я играл с детьми знаменитых людей. Я ходил в дом Фрэнка Синатры, где брал уроки фортепиано вместе с его дочерью Тиной. Моим самым близким другом был Скотт Джонсон, отец которого, Наннелли Джонсон, был приятелем моего отца. Наннелли написал десятки киносценариев, включая сценарии таких фильмов, как «Гроздь гнева», «Грязная дюжина» и «Три лица Евы».

Через улицу от нас жил Арт Линклеттер, который вел дневную телепрограмму «Домашняя вечеринка». Его дочь Дайана и я играли в Тарзана и Джейн, целыми днями лазая по деревьям. Нашим соседом был знаменитый композитор Сэмми Кан, его сын Стив и я обычно играли в лесу, где у нас был устроен лагерь. Неподалеку от нас жила киноактриса Джуди Гарленд, ее дочь Лайза Миннелли была одной из моих близких приятельниц. По соседству был дом киноактера и певца Бинга Кросби, его четыре сына разъезжали по улице в своих спортивных машинах «Корвет», рядом же жили известные киноактрисы Глория Грэм и Лана Тэрнер.

НО ПОСТЕПЕННО я потерял большинство своих друзей детства. Причина связана с событиями января 1957 года, мне было восемь лет. Тогда и закончилось мое счастливое детство. Это был день, когда мой отец умер от рака в возрасте 57 лет. А для меня это было время, когда началась эпоха Богги.

Я плохо помню, как реагировал на нереальные события тех дней. Мать вспоминает, что в день смерти отца я стоял на лестнице, в руке у меня была маленькая записная книжка, и я спросил ее: «Какое вчера было число?» «14 января», — ответила она. После этого я сел на ступеньку и записал «14 января. Папа умер».

Я ехал в лимузине, первой машине в длинной процессии, мать сидела между мной и Лесли, обнимая нас. С нами был и Джон Хьюстон. Около церкви собралась огромная толпа. Сотни людей стояли на тротуарах. «Я ненавижу их», — сказал я. «Не надо, Стивен», — ответила мать. — Не надо ненавидеть их. Я хочу, чтобы твой отец гордился тобой сегодня».

Мне было грустно и больно. Я был зол. Какое право имели эти люди вторгаться в мою жизнь и глазеть на моего мертвого отца? Почему-то я считал, что если тысячи людей плачут на похоронах отца, значит, у меня не было с ним особенных отношений. Думаю, что чувствую это до сих пор. Когда он умер, мой мирок был разрушен, и потребовалось много лет, чтобы снова выстроить его.

Через несколько дней после похорон я взобрался на дерево и стал проклинать Бога. Несколько дней я часами сидел на дереве и плакал по своему отцу. На этом дереве я отказался от веры в Бога, и ничто, что я видел за прошедшие 37 лет, не изменило моего мнения.

В школе у меня раньше были хорошие отметки, но сейчас я начал прогуливать. Люди не указывали на меня пальцем и не смеялись надо мной, но мне так казалось. Мне казалось, что все играют в одну игру, но я в ней не участвую. Я не мог уединиться. Однажды один мальчик сказал: «Плохо тебе без отца» — и я ударил его. Через несколько дней это повторилось.

Вначале меня выгнали из школы, но этим дело не кончилось. Мы переехали, и за короткое время я потерял отца, школу и дом. И таким образом я терял своих друзей. В течение многих лет я с трудом заводил новых. Мне всегда слышался страшный шепот в ушах: «Ты ему нравишься только потому, что ты сын Богги». Я прошел по жизни в сопровождении этого чувства. Большой ярлык с красными буквами все время висит на мне. «Стив — сын Хэмфри Богарта» — написано на нем. Не случайно мои близкие друзья сегодня — это те, кто не знает, кто мой отец или безразличен к этому.

Его репутация вызывала ко мне внимание, которого я не желал, и лишала внимания, которое я бы хотел иметь. Поэтому я

никогда не доверял людям, которые относились ко мне дружелюбно. Это наложило на меня какую-то печать, и я должен первым признать это. Почти сорок лет я избегал узнавать что-либо об отце, говорить о нем и думать о нем.

Разумеется, все это вызвало конфликт между мной и Бэйкол, который тянулся все эти годы. Мать всегда желала, чтобы я думал о себе как о «сыне Хэмфри Богарта». А я всегда хотел быть просто Стивом. Она не просила, чтобы я делал что-нибудь особенное ради славы отца, она просто стремилась, чтобы я тем или иным образом посвятил свою жизнь сохранению его духа. Она никогда не могла заставить себя сказать об отце что-нибудь плохое. Если верить ей, то Богги был просто совершенством.

«Стивен, — скажет она бывало, — почему ты всегда хочешь узнать о своем отце что-либо дурное?» «Потому что это делает его реальным человеком для меня», — отвечал я.

И только после моей женитьбы на моей второй жене Барбаре в 1984 году я стал постепенно освобождаться от этого ярлыка, который висел на мне восемь лет. Сейчас, оглядываясь назад, я уверен, что обращение Богги со мной и особенно то, что я потерял его в таком раннем возрасте, повлияло на меня, хотя я не могу полностью понять, каким образом. Однако больше всего это повлияло на то, как я воспитываю своих детей.

Я был еще очень молод, когда у нас с моей первой женой Дайлой родился сын Джеми. Я был полон решимости прежде всего включить его в мою жизнь. Ничего не могло быть более важным: я должен стать таким отцом, каким я хотел, чтобы Богги был для меня. Я думаю, что стал таким отцом. Я обнимал моего сына, делал его, читал ему книжки и играл с ним в мяч. Когда он учился в школе, я тренировал там бейсбольные команды, в которых он играл.

Джеми сейчас уже взрослый человек. Но у меня есть еще Ричард и Брук, мои дети от Барбары. И я не изменил своего мнения о том, что дети должны играть первую роль в моей жизни. Когда они достигнут моего возраста, у них сохранится много воспоминаний о том времени, которое они провели со своим отцом.